DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-2-91-95

О СВЯЗИ ОДИНОЧЕСТВА И САМОУБИЙСТВА: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

И.А. Беляев

М.Н. Лященко

Статья посвящена философско-антропологическому осмыслению связи одиночества и самоубийства. Проанализированы особенности духовно-нравственной и творческой деградации человека, претерпевающего одиночество полного и неполного типа. Показано, что самоубийство одинокого человека высоковероятно только при наличии одиночества полного типа; совершается без осуществления свободного выбора; не является поступком.

Ключевые слова: одиночество, полный тип одиночества, неполный тип одиночества, самоубийство, смерть, пустота, ценности, идеалы, свобода, несвобода, любовь, время.

ON THE CONNECTION BETWEEN LONELINESS AND SUICIDE: PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL DIMENSION

I.A. Belyaev

M.N. Lyashchenko

The article is devoted to philosophical and anthropological comprehension of the connection between loneliness and suicide. Special aspects of spiritual, moral and artistic degradation of man exposed to complete or incomplete loneliness are analyzed. It is shown that suicide of a lonely person is highly likely only in the case of complete loneliness, is committed without free exercising of choice, and is not a voluntary action.

Keywords: loneliness, complete loneliness, incomplete loneliness, suicide, death, emptiness, values, ideals, freedom, unfreedom, love, time.

Проблемы, затрагивающие глубинные основы человеческого существования, имеют статус фундаментальных и вечно актуальных. Проявляясь во множестве форм, смысловых контекстов и временных рамок, они неизменно оказываются в центре внимания мыслителей разных исторических эпох и культур. Среди них особой остротой выделяются проблемы самоубийства и одиночества, образовавшие вокруг себя гигантские исследовательские пространства, насыщенные соответствующими их масштабу «белыми пятнами» непознанного и «чёрными дырами» ошибочного.

«Есть, – как пишет А. Камю, – лишь одна настоящему серьёзная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы её прожить, – значить ответить на

фундаментальный вопрос философии» [8: с. 24]. Глубоко одинокий человек актуальность этого вопроса ощущает особенно остро. В поисках ответа он размышляет о смысле жизни, вкус которой стал для него мучительно едким, о тщетности и бренности своего существования и о несправедливостях, выпавших на его долю. Нередко, не находя приемлемого ответа, он заканчивает свою жизнь самоубийством.

Связь одиночества и самоубийства выглядит, на первый взгляд, совершенно очевидной. Однако с исследовательской точки зрения эта очевидность является иллюзорной. Данная связь не только недостаточно глубоко и теоретически корректно осмыслена, но и не представлена во всей своей широте и многогранности ни в междисциплинарных, ни в конкретно-дисциплинарных исследованиях.

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета.

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Sociology, Orenburg State University.

E-mail: igorbelyaev@list.ru

Лященко Максим Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета.

Lyashchenko Maxim Nikolaevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Sociology, Orenburg State University.

E-mail: megamax82@rambler.ru

© Беляев И.А., Лященко М.Н., 2021

В частности, обширные «белые пятна» обнаруживаются при рассмотрении её специфики под антропологическим углом зрения. В подавляющем большинстве случаев здесь имеет место банальная констатация факта: одиночество – это одно из возможных условий самоубийства; данный факт выглядит вполне обоснованным, не требующим сколько-нибудь весомых доказательств, а тем более – тщательного философского осмысления. Стоит, однако, уточнить, что исследований на стыке проблем одиночества и самоубийства почти нет. Но если они всё-таки проводятся, то философско-антропологические основания связи соответствующих феноменов обходятся в них, как правило, стороной. Надо полагать, что нахождение продуктивного решения здесь возможно при условии обращения к онтологии, что позволит вернуть «из забвения изначально-бытийное измерение человека» [13: с. 13].

Данное исследование – это попытка наметить новые горизонты в понимании природы обсуждаемых феноменов человеческого бытия и придать позитивный импульс дальнейшему осмыслению их соотношения в рамках философии одиночества и философской суицидологии.

В исследовании мы исходим из того, что самоубийство являет собой полный и окончательный отказ человека от существования, а одиночество выступает формой самосознания, выражающей внутренний духовно-личностный кризис человека, обусловленный полным или частичным разрушением ценностно-смысловых структур, формирующих его духовно-личностную целостность и служащих основой его внутреннего мира [10]. Из содержания данных представлений проистекают такие вопросы: «Допустимо ли полагать одиночество достаточным основанием совершения самоубийства?»; «Сам ли фактически одинокий человек совершает самоубийство, т.е. он ли делает выбор?»; «Можем ли мы самоубийство, совершаемое человеком, переживающим одиночество, считать поступком?».

Постараемся ответить на эти вопросы с позиций онтологической парадигмы философской антропологии.

Начнём с того, что человек есть целостное существо, представленное в целостном мире в единстве трёх своих составляющих: природной, социальной и духовной. Для раскрытия особенностей связи между одиночеством и самоубийством имеет смысл, как мы полагаем, сфокусировать внимание, прежде всего, на совокупности социальной и духовной составляющих целостности человека, попутно абстрагируясь от его природной составляющей. При этом мы ни в коем случае не пытаемся сбрасывать со счетов и то, что человек порой совершает самоубийство по причине невозможности далее переносить боль, причиняемую ему смер-

тельными для него болезнями или же телесными увечьями. В обстоятельствах такого рода социальная и духовная составляющие его целостности оказываются подавленными ситуативно доминирующей природной составляющей.

Далее подчеркнём, что человеческая целостность трактуется нами как нечто относительно завершённое, которое, никогда не бывая ставшим [3], формируется и трансформируется относительно самостоятельно в сопричастности иным фундаментальным целостностям (Бог, Космос, Мир, общество и т.д.) посредством функционирования сугубо индивидуальной, самобытной системы ценностей и идеалов. Ценности и идеалы являются силами и условиями не только развития духовно-личностной целостности человека, но и её сохранения в стабильном состоянии. Более того, ими детерминируются цели перестраивания и перенастраивания внутренней организации целостности, присущей человеку.

И, наконец, отметим, что человек – это многомерный деятельный субъект, осваивающий доступные фрагменты бытия не только с теоретических и практических позиций, но и с ценностно-смысловых. Вне ценностно-смысловой детерминации невозможна человеческая деятельность, которая в любом случае окажется осмысленной в той или иной степени. Нет никаких сомнений в том, что сама жизнь человека должна иметь смысл, зависящий от ценностей и идеалов, в контексте которых всё возвышенное и по-настоящему желанное получит предельно совершенное оформление [5]. Только смысловжизненно ориентированный человек может оказаться и оказывается способным активно и продуктивно включаться во взаимодействие со своим окружением, т.е. обрести возможность быть по-настоящему творческим началом в мире.

«Одиночество, – как справедливо отмечает современный отечественный философ Б.В. Марков, – это отстранение» [11: с. 22]. Стоит уточнить, что всякое одиночество есть отстранение, однако не всякое отстранение следует признавать одиночеством. Мы не ведём речи о том отстранении, которое, выступая как изоляция, сравнительно легко переносится человеком или же, раскрываясь как уединение, может, причём порой весьма эффективно, благоприятствовать актуализации его созидательного потенциала. Отстранение, находящее воплощение в одиночестве, представляет собой такой способ существования человека, реализация которого предполагает полную или частичную невозможность проявления активно-творческого отношения к действительности. При этом одиночество более или менее явственно обрекает человека на страдания. Что же касается причины страданий, то она, как утверждает упомянутый выше автор в дру-

гой работе, «состоит в замкнутости человека в капсулу собственного существования» [17: с. 27].

Полагаем, что человеку могут быть свойственны два типа одиночества: полное и неполное [10]. Полному типу одиночества присущи исключительно деструктивные черты, снижающие активность человека до возможного минимума, де-факто вводящие его в пассивное состояние, обрекая на исполнение роли безучастного наблюдателя, лишённого воли к жизни. Если же характеризовать неполный тип одиночества, то надо подчеркнуть, что при его наличии человек утрачивает способность к проявлению активности оптимального уровня и должной направленности только частично.

Нельзя, впрочем, оставить без внимания и то, что человеческая целостность претерпевает объективно негативные структурно-содержательные изменения при любом типе одиночества. Вследствие этих изменений внутренний мир человека в той или иной степени опустошается, его духовно-нравственная жизненная устойчивость снижается. Изменения подобного рода отчётливо проецируются на фундаментальные антропологические константы (смерть, пустота, небытие и несвобода) [7], выступающие атрибутами существования человека, его внутренней жизни.

Смерть, будучи предвечным законом природы, распространяющим своё действие на все земные существа вне зависимости от складывающихся обстоятельств, каким-либо образом непременно присутствует во внутренней жизни человека. Тем не менее если человек находится в активном и жизне-радостном состоянии, то смерть вряд ли окажется для него чем-то по-настоящему весомым. Защитные пояса, выстроенные из устойчивых ценностей и идеалов, ограждают человека от смерти, не допуская её до пределов ценностно-смыслового ядра внутреннего пространства. В одиночестве же, когда защитные пояса ослабевают, смерть постепенно проникает вовнутрь человека всё глубже и, отнимая у него самое важное, разрушает сакрализованные опорные точки внутреннего мира, служащие фундаментом его целостного самобытия. Одиноким человек «умирает» не только как деятельный субъект, но и как духовно-нравственная личность, вовлечённая в многомерное межчеловеческое взаимодействие и сопричастная миру высших ценностей и идеалов.

Полагаем, что суть одиночества заключается в омертвлении духовно-личностной «материи» человека, что позволяет признать его одним из ликов смерти. Поэтому действительно одиноким человек на практике неизбежно оказывается «мёртвым» для окружающих, как, впрочем, и они для него. Более того, он, без преувеличения, представляет собой «мёртвую» ткань в мировом организме, инородное тело в нём, отстранённое от иных подобных тел.

Всё, окружающее одинокого человека «здесь и сейчас», неизбежно «мертвеет», теряя для него ценность и подлинность, по причине чего он, как правило, живет прошлым.

Одиночество – это вполне реальная угроза естеству целостного человека, самоубийство же, в логике настоящего дискурса, выступает окончательным онтологическим пределом духовно-личностного бытия человеческого существа, фиксируя абсолютное и окончательное господство смерти над его социальной и духовной составляющими.

«Абсолютно» одиноким человек, как и самоубийца, одержим тьмой и утратил свободу [4]. Поэтому их разделяет тонкая граница, которую одиноким человек переходит незаметно для себя, прибегая к самоубийству как «инструменту», посредством которого смерть переводится из потенциального состояния в актуальное. Себя же самоубийца превращает в «ничто». И это вполне закономерно, ведь он и так уже духовно-лично «мёртв» для своего окружения, как, впрочем, и всё его окружение для него.

С установлением господства смерти в пространстве внутреннего мира человека свои границы в нём расширяет пустота. Опустошение внутреннего мира [16], переживаемое человеком в одиночестве, заполняет пустотой и воспринимаемый им внешний мир. Для человека, оказавшегося в одиноком состоянии, мир становится бессодержательным, бессвязным и бесструктурным образованием, лишённым всякой формы и деградирующим как целостность. В таком мире сокровенное уходит в небытие, а всё большее расширение «жизненного пространства» пустоты наполняет сознание человека мрачным, безобразным содержанием, в котором не наблюдается ни света, ни красоты, ни тепла. Стоит заметить, что тип одиночества, при котором человек оказывается в плену воистину безмерной пустоты, становясь духовно и личностно «атрофированным», был обозначен нами ранее как полный (абсолютный).

Индивид, переживающий одиночество, потенциально агрессивен; едва ли не в любой момент он готов прибегнуть к насильственным действиям. Не случайно сведения о том, что одиночество нередко выступает одним из факторов деструктивной агрессии, содержатся в энциклопедических изданиях [15]. Поводом к её проявлению может послужить совсем незначительное или даже случайное событие, отстраняющее человека от того, что не имеет для него большого значения. Если нравственная составляющая духовного мира не подверглась существенной, а тем более практически полной деградации, то индивид сдержит агрессию в себе, перенаправив её, скорее всего, на самого себя (аутоагрессия). В случаях такого рода цен-

ность Других является более высокой, чем своя собственная. По-настоящему духовно-нравственный человек не нарушит заповедь «не убей», совершив самоубийство. В тех же случаях, когда степень деградации человека весьма высока, а это характерно для полного типа одиночества, то агрессия может выразиться в социальной деструкции. Здесь внешнее утрачивает шанс на обретение статуса внутреннего достояния личности, её «святыни», становясь «смердным» и недостойным. Нравственность одинокого человека – это то подлинное основание, которое определяет направление выхода агрессии, её силу и пределы распространения. Именно поэтому от состояния духовно-нравственного ядра внутреннего мира человека едва ли не полностью зависит его поведение.

Разрушение ценностей и идеалов в сознании, погружение внутреннего мира в пустоту не только «омертвляет» человека как инициативного и ответственного социального субъекта, но и извращает его коммуникативную природу, обрывая диалог с людьми, миром, а то и с Богом. Человек монологизируется. В этот момент всё вокруг него немеет, наступает царство безголосия. Его вопросы остаются без ответов. В таком «безнадёжно немом» состоянии, как полное одиночество, человеку ничего больше не остаётся, как совершить самоубийство, сказав тем самым последнее слово этому миру. Но оно остается неслышанным и нераспознанным. Это слово, как полагают христиане, не слышит даже Всевышний, так как только самый закоренелый грешник может позволить себе обращаться к миру таким образом.

При наличии неполного типа одиночества положительную роль в становлении человека может сыграть пустота. Имея границы, она порой даёт возможность сложиться высшему уровню внутреннего мира человека – духовно-нравственному. И тогда сквозь пустоту он может узреть Бога, раскрыть доселе неведомые ему смыслы, внутренне переродиться и обрести силы для того, чтобы наладить новые коммуникационные связи с доступными фрагментами бытия. В полном же типе одиночества не только безвозвратно утрачивается гармония целостности внутреннего мира, но и возникает явная дисгармония в отношениях с Другими. Вследствие этого нарушается и коммуникация человека с самим собой [14]. И чем глубже и прочнее окажется отстранённость человека от самого себя, тем меньше смысла он будет находить в том, чтобы продолжать жить.

Одиночество есть, как мы полагаем, несвобода. В состоянии одиночества, по мере возрастания степени деструктивности человеческой целостности, человек деперсонифицируется, теряя свои подлин-

ные нравственное лицо и духовный лик. Пережитые утраты, в свою очередь, не позволяют ему принимать участие в судьбе Других и мира в целом, что препятствует его духовно-нравственному росту. То, что свойственно человеку внутренне, неминуемо находит выражение во внешнем, т.е. в поступках [6]. Состояние одиночества детерминирует переход человека к этапу становления, в рамках которого его самореализация нарушается (в неполном одиночестве) или же прекращается (в полном одиночестве). Одиночество весьма заметно сокращает диапазон возможностей самоопределения и самореализации индивида. И чем глубже человек «проваливается» в одиночество, тем менее вероятно, что он воплотит свои жизненные интенции в поступке. В свободе же, напротив, присущая человеку личность утверждается как его активное духовное начало в мире [12], при любом стечении обстоятельств позволяющее ему находить достойные пути претворения в жизнь наличного потенциала. Действительно же одинокий человек, хронически отстранённый от того, что ему необходимо, не способен совершать сколько-нибудь весомый жизненный выбор и, как следствие, полноценно осуществлять себя в этом мире. Поэтому он неизбежно оказывается несчастливым [2], страдающим существом, полным горя и отчаяния, лишённым воли и ответственности, а нередко и тяготеющим к самоубийству.

Одинокий человек, как мы полагаем, несвободен еще и по той причине, что не любим и не в силах любить. Любовь – это внутреннее духовное чувство, дарующее человеку возможность достигнуть полноты бытия, раскрывающее его для других в актах свободного взаимоодалживания и взаимообогащения, обеспечивающих интимное – сугубо личное – сочетание «своей жизни с индивидуальной жизнью всех остальных существ» [9: с. 143]. Именно в любви заключается единственное по-настоящему действенное спасение от одиночества, удерживающее человека в духовных слоях бытия. Без любви нет и творчества; всё, что сотворено без любви, несёт на себе отпечаток внешней ограниченности и внутреннего несовершенства. И то, что в одиночестве не может «зажечься» искра вдохновения, а творческие силы человека угасают, нельзя не признать закономерным.

Стоит обратить внимание и на то, что вместе с сужением диапазона возможностей одинокого человека в актуализации своих созидательных потенциалов негативные изменения претерпевает его временной горизонт. Время, которое выступает ключевым фактором самореализации человека [1], в ситуации одиночества утрачивает свой в целом жизнеутверждающий статус, превращаясь в пытку для его «владельца». Время одинокого человека

субъективно замедляется; оно тянется, уподобляясь тоскливому «настоящему», а то и едва не бесконечному, а потому ненавистному «прошлому». Одиночество искажает экзистенциальные перспективы, превращая их в симулякр, лишая человека его «будущего», стирая грани между жизнью и смертью. В переживании одиночества происходит деструктуризация времени, которое теряет своё содержание, становясь удушающе «пустым».

Подводя итоги, попытаемся дать ответы на вопросы, поставленные в начале статьи.

Во-первых, одиночество человека, воплощающееся в неполном типе, не является достаточным основанием для совершения самоубийства. Но как только оно переходит в полный тип, человека от совершения самоубийства начинает отделять очень тонкая граница; смерть, сопряжённая с переживанием им полного одиночества, становится для него реальностью. Акт самоубийства всего лишь окончательно фиксирует факт смерти человека как природного существа, омертвевшего социально и духовно по причине пребывания в одиночестве. Стоит уточнить, что самоубийство может быть, а может и не быть прямым следствием одиночества. Одиночество же, в свою очередь, не стоит полагать единственным из модусов существования человека, обуславливающего совершение им самоубийства. В любом случае основной причиной совершения самоубийства выступает деградация человека как целостности, объективирующаяся в различных способах человеческого существования, в том числе и в одиночестве.

Во-вторых, одинокий человек, совершая самоубийство, не осуществляет по-настоящему самостоятельный выбор, так как он принципиально несвободен и лишён экзистенциальных перспектив. Ведь смерть для него и так уже реальность, обнажающая и акцентирующая безжизненность его отстранённого существования.

И, в-третьих, самоубийство, совершаемое одиноким человеком, нельзя считать поступком, так как предпринимаемые им действия лишены ценностно-нравственной основы, а сам он не способен взять на себя роль субъекта ответственности по причине деперсонифицирующей и духовно опустошающей природы одиночества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова, К.А. Время личности и время жизни / К.А. Абульханова, Т.Н. Березина. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 304 с.
2. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Сочинения. В 4 т. Т. 4. – Москва: Мысль, 1983. – С. 53–294.
3. Беляев, И.А. Творчество как форма становления индивидуальной целостности человека / И.А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 10 (116) октябрь. – С. 57–61.
4. Бердяев, Н.А. О самоубийстве: Психологический этюд / Н.А. Бердяев. – Москва : Изд-во МГУ, 1992. – 24 с.
5. Воскобойников, А.Э. Смысл жизни как высшая ценность человека / А.Э. Воскобойников // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2016. – № 6 (ноябрь–декабрь). – С. 53–60.
6. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – Москва : Мысль, 1974. – 452 с.
7. Гиренок, Ф.И. Антропологические конфигурации философии / Ф.И. Гиренок // Философия науки и техники. – 2002. – Т. 8, № 1. – С. 408–426.
8. Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А. Камю. – Москва : Политиздат, 1990. – 415 с.
9. Лосский, Н.О. Бог и мировое зло / Н.О. Лосский. – Москва : Республика, 1994. – 436 с.
10. Лященко, М.Н. К проблеме определения и типологии одиночества / М.Н. Лященко // Ценности и смыслы. – 2017. – № 2 (48). – С. 60–72.
11. Марков, Б.В. Образ современности в зеркале философии / Б.В. Марков // Аналитика культурологии. – 2009. – № 3 (15). – С. 27–43.
12. Мунье, Э. Манифест персонализма / Э. Мунье. – Москва : Республика, 1999. – 589 с.
13. Невелева, В.С. Антропологический принцип в философии и истории: современность и история : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13 / В.С. Невелева. – Екатеринбург, 2002. – 42 с.
14. Новицкая, Л.Ф. Проблема нравственного самообразования в пространстве интерсубъективности / Л.Ф. Новицкая. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. – 128 с.
15. Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд ; рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин ; гл. ред. В.Н. Иванов. – Москва : Мысль, 2003. – 863 с.
16. Тулина, Н.В. Одиночество (Социально-политический аспект) / Н.В. Тулина // Вестник Московского университета. – 1992. – № 3. – С. 51–58. – (Серия 12. Социально-политические исследования).
17. Феномен одиночества. Актуальные вопросы гигиены культуры : коллективная монография / М.А. Венчиков, П.А. Дворецкая, А.С. Дриккер [и др.] ; отв. ред. М.В. Бирюкова, А.В. Ляшко, А.А. Никонова. – Санкт-Петербург : РХГА, 2014. – 368 с.